

18+

ИСАБЕК АШИМОВ

Мифотворчество: технология конструирования смыслов

СБОРНИК ФАКУЛЬТАТИВНЫХ
ЛЕКЦИЙ

Исабек АШИМОВ

**Мифотворчество: технология
конструирования смыслов.
Сборник факультативных лекций**

«Издательские решения»

Ашимов И.

Мифотворчество: технология конструирования смыслов. Сборник факультативных лекций / И. Ашимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695763-3

Курс лекций посвящен философскому осмыслению феноменов мифа и неомифа как живых функций цивилизованного человека. В центре внимания находится проблема «Абсолютного зла», его цикличности (итератизма) и путей преодоления через развитие духовности и самопознание. Исследуются механизмы деконструкции архаических смыслов и конструирования новой эстетической реальности — неомифа. Особое место в работе занимает практическая иллюстрация теоретических положений на примере авторского мифотворчества.

ISBN 978-5-00-695763-3

© Ашимов И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Расширенный модуль лекции-монолога №1	7
Тема: Идейная база и познавательный пафос мифологии зла	8
Расширенный модуль лекции-диалога №2	15
Тема: Мифотворчество в эпоху ремифологизации гуманитарного познания: предмет, акценты, тенденции	16
Расширенный модуль лекции-диалог №3	21
Тема: Конструирование мифа о зле: проблемы, принципы, подходы	22
Расширенный модуль лекции-диалог №4	29
Тема: Этнографические истоки мифа: от родовой архаики к современной идентичности	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мифотворчество: технология конструирования смыслов Сборник факультативных лекций

Исабек Ашимов

© Исабек Ашимов, 2026

ISBN 978-5-0069-5763-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Миф признается живой функцией цивилизованного человека, помогающей осмыслить прошлое для понимания будущего. Неомифологизм не просто предлагает новую трактовку старых сюжетов, а демонстрирует «новое проживание» мифа в современных условиях. Фигура мифотворца – это «идеальный планировщик», который отсекает лишнее и достраивает реальность, выступая одновременно резонатором и интерпретатором мифа.

Ключевой идейной базой лекций-диалогов является технология мифотворчества – раскрытие роли «планировщика бытия», создающего новые смыслы из «колоды рассыпающихся архаичных мифов. Для наглядности и верификации философских выкладок в лекциях подробно рассматривается авторский пример мифотворчества И. А. Ашимова – миф и неомиф о Тегерек. Через образы священной горы (символ круга и единства) и Ажыдара (символ зла и разрушения) слушатели приглашаются к диалогу о сакральной ответственности человека перед будущими поколениями и необходимости эволюции сознания.

Ключевые методы познания: во-первых, триадный принцип познания – переход от популяризации через концептуализацию к глубокой философизации знания; во-вторых, проблематизация итератизма (цикличности) зла и онтологической недостаточности человека как «фабрики» негативных проявлений в мире; в-третьих, анализ генезиса философии и взаимодополнительности рационального мышления и мифологического мироощущения: от Мифа к Логосу. Конструирование неомифа направлено на сопоставление архаичных смыслов с современными вызовами и актуализацию вопроса ответственности человека перед будущим.

Данный факультативный курс лекций по философии подготовлен в рамках деятельности Виртуального Института Человека и представлен в формате онлайн-лекций. Дистанционная природа курса продиктована самой сутью обсуждаемого предмета: миф в эпоху цифровизации становится глобальным медиатекстом, размывающим границы между реальным и виртуальным.

Расширенный модуль лекции-монолога №1

Тема: Идейная база и познавательный пафос мифологии зла

Цель: Осветить идейные основы и познавательные функции мифологии зла, а также раскрыть познавательный, мировоззренческий и методологический потенциал современной мифологии.

Контент: В чем заключается идея и пафос мифов? Кому оно адресовано? Что хочет сказать или доказать автор или толкователь мифа? Что они пытаются до нас донести? С какими идеями полемизирует автор и какие собственные доводы он приводит в ответ? Прав ли автор в интонациях и акцентах? Почему акцент делается на мифологию? В чем заключается скрытый смысл неомифа, как результат деконструкции исходного мифа? Какова значимость современного мифотворчества? Какова нынешняя технология мифопоэтики? Что собой представляет новый жанр роман-миф или роман-предостережение? Какова стратегия научной «верификации» мифа или неомифа? Читатель не может не задаваться подобными вопросами, вникая в суть книги. Постепенно, в процессе осмысления мифа и неомифа вопросы в той или иной мере также будут сниматься и, возможно, лишь теперь, когда читатель понял идею автора, возникает следующий вопрос: что мы сами можем сказать по этому поводу?

В чем заключаются истоки мифотворчества? В литературе рубежа XX-XXI вв. наблюдается тенденция использования архаичных мифов для изображения современной жизни и делается попытка объяснять происходящее через обращение к мифу. На новом этапе развития и национального сознания нашего общества, безусловно, также возрос интерес к мифу и неомифу. В этой связи, очевидно и то, что возросла актуальность философского их осмысления. Следовательно, в науке, культуре, обществе актуализировался этот тип дискурса. В этом аспекте, понятна основная причина всплеск интереса к мифотворчеству – творческие люди, несущие в народ духовную пищу, наконец, начали осознавать свою миссию – стать в той или иной мере мифотворцем.

«Мифотворчество есть живая, реальная функция цивилизованного человека», – писал Юнг К. Г. По мнению многих исследователей, именно через миф человек пытается отыскать примеры в прошлом, в которое он «погружается», а вынырнув из него по-новому осмысливает настоящее и будущее. В чем заключается пафос мифологического сочинения? Очевидно, природа людей такова, что очень часто они остаются слепым и глухими к мыслям своих предков.

Даже если применить современные технологические способы восполнения потери памяти, что-то, а может быть и нечто, будь то важнейшие, галактического значения знания и человеческий опыт, будь то сакральные заклинания наших, в чем-то дальновидных предков к своим потомкам, будут забыты. Мы то знаем, что даже бесценное наследство, дорогие образы, память близких и родных безвозвратно теряются даже в течение жизни одного поколения. А ведь речь может идти о таких феноменах человечества, как Зло, с его проклятием вечного возвращения.

Главным предметом мифологического сочинения является проблема Зла: вечность и цикличность Зла, фабрика и конвейер Зла, пути и способы борьбы с его проявлениями. Тысячелетиями оставались актуальными такие вопросы: что такое Зло? В чем заключается его природа и смысл? Как прервать неизбежность Зла? Когда-то, В. Розанов в своей книге «Апокалипсис нашего времени» писал: – «...Есть в мире какое-то недоразумение, которое, может быть, неясно и самому Богу. В сотворении его «что-то такое произошло», что было неожиданно и для Бога. Что такое произошло – этого от начала мира никто не знает, и этого не знает и не понимает Сам Бог. Бороться или победить это – тоже бессилён Сам Бог.

Так и планета наша. Как будто она испугана была чем-то в беременности своей и родила «не по мысли Божьей», а «несколько иначе». И вот «божественное» смешалось с «иначе». Речь то идет о вечном проклятии абсолютного Зла. Все надеются, что XXI в. станет веком духовных достижений, которые будут несоизмеримыми по своему значению с материальными, что духовные открытия полностью перевернут наше мировоззрение и сделают нас лучше. Между тем, человечество не раз «переживало» ценный исторический опыт «наступления на грабли».

Понятно, что наш мир не совершенен, несовершенны и люди, а потому вероятно то, что мы будем вечно совершать ошибки. Но как научить людей избегать повторения глобальных ошибок? Как разорвать Круг Зла? Вот в чем вопрос, над которым бились мыслители многих поколений. Как прервать проклятье Круга Зла? Найдем ли ответ на этот глобальный вопрос, найдем ли его решение?!

Нужно учесть, что в обществе, в котором мы живем, очень и очень много людей, которые воображают, будто оно может стать иным. Наивность!? Но, тем, не менее... Однажды ступив на путь познания, не остаётся иного выбора, кроме как идти по нему всё дальше и дальше. Многие мыслители предлагали свою теорию зла, в которых отражена попытка объединить и примирить два древних и, на первый взгляд, противоположных понимания зла: во-первых, христианско-боэцианское (зло – есть отсутствие добра, соблазн или заблуждение); во-вторых, северногероическое (зло – внешняя сила, с которой следует сражаться с оружием в руках).

Сплетение этих воззрений в ткани произведения многих авторов порождает логику борьбы со злом на постоянной и сакральной основе, причем, прежде всего, в себя самом. Понятно и то, что сегодняшний день определяет лицо завтрашнего – поэтому мы должны помнить о своей сакральной ответственности. Мы должны быть ответственными, преданными своему народу, так как наши потомки неразрывно связаны с нами, и от нас зависит их процветание или гибель. Нужно готовить людей с очень высоким уровнем интуиции, сознания, культуры, интеллекта, прозорливости. Таков пафос мифологического сочинения.

Что хотелось бы донести до читателей? Почему приходится полемизировать с мифологическими и неомифологическими идеями? Каковы собственные доводы мифоконструкторов? Начнем с вопроса: реальны ли мифы и легенды? И да, и нет. Четко определить понятие «миф» непросто. Согласно Ю. Е. Березкину, в научной среде сложились два основных подхода к его определению: во-первых, миф как сюжет, имеющий место преимущественно в повествовательных текстах; во-вторых, миф как концепция, набор убеждений и представлений, не требующих научных доказательств (миф-концепция).

Для исследования важны оба подхода, поскольку всякий миф-концепция оформляется в повествовании (нарративе) и именно в виде текста представляет особую ценность для исследователя. Так или иначе, мифы больше похожи на древние тексты великих Мудрецов, которые рассказывают нам о нашем прошлом, о настоящем современном мире и даже о будущем. Они как символы. Чтобы их понять изнутри, нужно иметь немного другой разум, совсем другие знания. А чтобы понять истинный смысл символов того или иного мифа или легенды, нам нужно пройти сквозь их текст, нужно проникнуть вглубь разума того существа, кто их сочинял. Только так мы сможем понять тот истинный смысл, который они хотели нам передать.

Миф, который изложен в книге Ашимова И. А. «Тегерек: Мифы, тайны, тени» (2021) своими символами дал нам более простое знание о борьбе со злом. Разве не заложен в этом смысл? В романе «Тегерек», проклятье Круга Зла мы считали фантастикой, но в романе «Проклятье Круга Зла» она уже оказывается для нас самой настоящей реальностью, от которой нам не уйти. То, что в книге осуществлена первая попытка расшифровать символы Круга, это не случайность. Через них удастся реально увидеть то, что нас ждёт в нашем настоящем и в будущем. А это подталкивает нас к смене приоритетов жизни, к развитию духовности.

Общеизвестно, толкование смысла и содержания мифологического дискурса зависит от избранного исследователем подхода к исследованию мифа и мифологического дискурса.

В исследовании символов мы осуществили попытку объединения научного знания и простого смысла мифа. Мы использовали методологию оценки интервала абстракции (пределы рациональной обоснованности той или иной абстракции и границы применимости, установленные на базе огромной информации, касающиеся той или иной проблемы) не только итератизма зла, но и онтологической недостаточности человека.

Итератизм (в пер. с санскрита – повторяемость, кругообразность). Наша абстракция объединяет эти понятия с понятиями познавательных кругов. Насколько удалось связать интервалы абстракции в единую конфигурацию «зло – противодействие злу» судить читателям.

Как известно, А.Ф.Лосев разработал неклассическое представление о значении символа как точке встречи означающего и означаемого, вводя, тем самым, момент тождества означающего и означаемого, как значение символа. Такой подход позволяет увидеть значение символа как неравновесную самотождественность его, результатом которой является конструирование нового значения. Тем самым снимается вопрос о тождественности символа и обозначаемой символом объективной действительности и вводится вопрос о людях, которые через символ воспринимают и выражает действительность.

В этом аспекте, в подтексте книги – это гора-символ Тегерек (в пер. с кырг. – Круг) и символ Зла – Аджыдар (в пер. с кырг. – Дракон). Оба этих символа – это схематичное, отвлеченное, многозначное отображение образа интерпретируемого предмета, понятия или явления. «Тегерек» и «Круг» – симулякры, имеющие два различных значения в зависимости от репрезентативной и нерепрезентативной модели применения. В результате семантизации на смену реальности (Тегерек) приходит гиперреальность или иначе симулятивная реальность (Круг).

По сути, в неомифе понятие «Круг» присутствует понятие «Тегерек», как повторение самого себя. В неомифологических текстах показано, что Зло возвращается, как одно и то же явление, но уже в условиях условной различности и многообразия (Аджыдар ↔ радиация). Круг – есть символ не только единства, бесконечности и постоянного возвращения к самому себе, но и несовершенства мира и равнозначности антиномических его феноменов (Сфера/АнтиСфера, Добро/Зло, Система/АнтиСистема, Хаос/Порядок и пр.), так как его центр везде, а окружность – нигде.

В целом, миф – это история в символах. Когда-то созданные мифы способны видоизменяться, принимать разнообразные формы, становиться идеологией, эталоном, моделью, программой, видением, принципом, заповедью. На определенные мифы, руководящие поведением индивида и коллектива, ориентируется человеческая психика. В этом плане, основная претензия мифа – исправление бытия, его коррекция, компенсация и попытка идеально реализовать желания и стремления, неосуществимые в прежней жизни.

Поскольку миф является ментальной конструкцией, он реализуется в идеях, которые затем оформляются в некую идеологию. Лишь после того, как набор новых идей, направленных на преодоление противоречий мифа и реальности окончательно отливается в завершенную и стройную идеологию, наступает этап сакрализации мифа.

Надо всегда помнить одну истину: природа знает причинность, но не цель, а потому добро и зло – исключительно человеческие построения. В этом отношении онтологическая недостаточность человека является фабрикой зла. Как преодолеть эту недостаточность? Будущее, как известно, бросает свою тень задолго до того, как войти. А может ли познание выступить универсальной системой против Зла? А с другой стороны, «где ярче свет – там тени гуще». Каково соотношение у людей природного инстинкта, интуиции, здравого смысла, абстрактного воображения, таланта, проницательности?

Добро и Зло следует рассматривать как Систему/АнтиСистему. Питаю втайне надежду, что мой интерес к этим проблемам наведет некоторых на мысль о необходимости противодействия злу, но и эволюции человеческого сознания.

Почти у любого из нас, которые не лишены творчества, есть способность, которую называют воображением. Настоящее слишком живо раздражает ее, когда же нужнее спокойный и вдумчивый «анализ-синтез» всей массы информации. Иначе говоря, нужна аналитика – больше выводить, чем выдумывать. Конечно же жаль, вместо того, чтобы задумываться над смыслом послания, которое несут мифы, многие исследователи предпочитают деконструкцию и развенчания мифов.

Есть два противоположных мнения: с одной стороны, гонители мифов, утверждающие, что пора покончить с мифологическими недомолвками, с иллюзиями, с отупляющими народ и разжигающими страсти мифами, поскольку, чем их будет меньше, тем лучше; с другой стороны, психологи-юнгисты, полагающие, что мифы – неизбежный и специфический элемент человеческой жизни. По мнению Е.М.Мелетинского, мифология способствует восприятию непонятного, объясняя окружающую действительность посредством более понятных средств.

Нужно отметить, что мир переживает время реабилитации мифа и, как следствие, ремифологизации гуманитарного познания, пришедшей на смену демифологизации науки. Доказано, что миф какой-то своей частью входит в существо философии и, явно или скрытно, влияет на создание и выражение ее истин. Иначе говоря, философия и мифология вместе создают теоретическую кольцевую конструкцию – идеальную форму взаимодополнительности Мифа и Логоса. Формула «От Мифа к Логосу», в известной мере подчеркивает сущность генезиса философии. Она подводит нас к истокам философии, к тому моменту, когда определилась новая форма мировоззрения, снявшая противоречия внутри мифа и между мифом и новым специальным знанием.

По общепринятому определению, Логос – это тот закон, который придает миру системность, субстанциальность и развитие. Что же означает движение от мифа к логосу? Во-первых, это движение от слитности субъекта и объекта к их различению; во-вторых, это движение от разграничения Я от не-Я к четкому пониманию их взаимоотношений; в-третьих, это движение от представления к понятию; в-четвертых, это движение от предмета к образу; в-пятых, это движение от мироощущения к миропониманию.

Следует отметить, что существуют самые различные концепции перехода от Мифа к Логосу, то есть от одного типа мировоззрения к другому. В частности, мифогенная теория утверждает, что миф рассматривается как аллегория, за которой стоят реальные события, подлинные исторические факты. Согласно этой теории, философия – это та же мифология, но выраженная на ином языке.

Гносеогенная теория утверждает, что взгляд на мир сформировался на основе научно-теоретического знания, развивавшегося вне мифологии, и был следствием обобщения реального опыта. Гносеогенно-мифогенная теория утверждает, что, с одной стороны, внутри мифа имеются элементы здравого смысла и опыта, а с другой стороны, вне мифологии существуют элементы научного знания. Историко-психологическая теория утверждает, что все происходящее имеет рациональное объяснение и проецирование его на бытие в целом.

Важно заметить, что, независимо, какова концепция мифа, имеет исключительное значение способ его выражения. Нами выбран стиль художественно-философского сочинения. Как известно, налет литературности присущ почти любому философскому произведению – независимо от способа философствования.

Общепонятно, что любой философ заботится о языке своих сочинений: во-первых, старается подобрать наиболее подходящие, наиболее точные слова для передачи своих мыслей; во-вторых, стремиться сделать свой текст как можно более понятным; в-третьих, использует риторические украшения для удержания внимания своего читателя. На сегодня сформулированы основные черты, характерные для произведений рациональных и литературных философов.

Вначале о рациональной философии. Во-первых, в текстах рациональных философов всегда можно найти мысль, которую формулирует либо сам философ, либо открывает ее читатель. Почти каждое предложение автора осмысленно, текст выражает последовательность взаимосвязанных мыслей. Во-вторых, рациональный философ старается аргументировать мысль, ссылаясь на логику и данные наук. При этом обоснования опираются на философские категории и понятия, на рациональные суждения, вывод из них следствия, то есть, по-новому освещая какие-то философские проблемы. В-третьих, рациональный философ не внушает свои идеи читателю, а посредством рациональной аргументации убеждает читателя согласиться с ними. В этом аспекте, философ строит свою работу на критике предшественников и современников, так как они, как, впрочем, и он сам не застрахован от неясности используемых терминов, внутренней противоречивости суждений, логической непоследовательности текста, слабой доказательности и пр.

Литературная философия отличается от рациональной философии по следующим критериям. Во-первых, если для рационального философа главное – это мысль, последовательность мыслей, а язык, слово важны для него лишь постольку, поскольку дают возможность выразить мысль, то для литературного философа главным становится сам язык, языковая форма текста, создаваемый художественный образ, а мысль оказывается чем-то второстепенным, порой даже несущественным. Если рациональный философ сначала формулирует мысль, аргументирует ее, а потом излагает на бумаге, то литературный философ облегает предложения в слова, постепенно и образно просвечивая какую-то мысль. Во-вторых, в текстах литературной философии вместо рациональной аргументации используется внушение. То есть философ старается передать читателю какое-то чувство, на основании которого у читателя постепенно формулируется соответствующая мысль. Именно этим объясняется широкое использование художественных образов, метафор, сравнений и прочих литературно-художественных приемов. В-третьих, невозможность построить критическую дискуссию с автором, так как его мысль еще только зарождается в виде неясной догадки, и еще не обрела четкой языковой формы. В этом случае вполне объяснимо то, что формируется «мозаичный» текст, некая бессвязность, расплывчатость, умозрительность.

Если аналитическую философию можно считать типичным образцом рационального стиля философствования, то литературная философия представлена текстами философов экзистенциалистской ориентации. В их сосуществовании выражается двойственная природа самой философии, которая колеблется между наукой и искусством и стремится пробуждать как мысль, так и чувство, пользуется как понятием, так и художественным образом. С учетом сказанного выше, нами использован, так называемый компромиссный вариант – художественно-философский текст. То есть некий сплав рациональной и литературной философии. Однако, как бы я не старался сочетать разные стили философствования, пришлось труд разделить на две части по степени доминирования того или иного стиля.

Осмысление реальности – традиционная тема философии. Человек ощущает реальность изнутри, внутри себя и извне, выступая в роли наблюдателя, созерцателя, постороннего. Странники естественных наук часто бывают склонны к преувеличениям: некоторые из них полагают, что наукой имеет право именоваться только наука естественная, констатирующая объективные факты, исследующая реальность при помощи измерительных приборов и обнаруживающая каузальные взаимосвязи; по этим же критериям они оценивают психологию.

Психология и гуманитарные науки начинаются лишь тогда, когда наблюдения, статистические данные, так называемые объективные факты и т. д. подвергаются интерпретации, когда исследователь задается вопросом о мотивах, стоящих за поведением и чувствами индивида, группы и общества. Однако именно на этом этапе возникает мифология, поскольку зафиксировать психологический феномен можно только с помощью метафор, образов и пр. Что же такое философское иносказание? Это художественно-философский прием отображе-

ние одного феномена через другого путем создания метафоры. Метафора рассчитана на небуквальное восприятие и требует от читателя умения понять и почувствовать создаваемый ею образно-эмоциональный эффект. В книге автора, по сути, речь идет о способе образования новых философских категорий.

Многие философы считают, что мифы – это чистый вымысел, составленный кем-то с заранее определенной целью. В некоторых мифах содержится зерно истины, однако, среди огромного числа двусмысленностей и искажений это зерно совсем теряется. Между тем, сам миф все равно сохраняет некоторую атмосферу правдивости. В этом аспекте, мифы нужно хорошо осмыслить, обосновать, то есть «подогреть», прежде чем в них вспыхнет огонек убедительности. Такова логика действий создателей мифов.

Так как, мифы лежат в основе оценки событий, то ясно, что мы никогда не сможем верно понять такую оценку, пока не рассеим иллюзорной подоплеку и не заменим ее истиной. Справиться с этой задачей могут в первую очередь философы. Во все времена философы в пух и прах разносили мифы, анатомируя и объясняя их сущность и выковыривая из них истину.

Признавая то, что фабрикой Зла является не что иное, как онтологическая недостаточность самого человека, мы искали ответ на вопрос, как ликвидировать истоки Зла, попытавшись переделать главную эту причину через Познание самого себя и окружающий нас мир, через Духовность. В мире, как писал А. Шопенгауэр, одинаковых людей не бывает. Различие людей может быть сведено к трем основным категориям: что за личность? что он имеет? что он представляет собою? «То, что находится внутри нас, более влияет на наше счастье, чем то, что вытекает из вещей внешнего мира», то есть мир, в котором живет человек, зависит, прежде всего, от того, как его данный человек понимает, а, следовательно, от свойств его мозга. Именно индивидуальность определяет меру возможного для него успеха, благополучия, признания, счастья. Причем, на первом месте стоят духовные силы, а затем образование.

Понятно, что человек с избытком духовных сил живет богатой мыслями жизнью, сплошь оживленной и полной значения. Именно у такого человека сохраняется потребность учиться, видеть, образовываться, размышлять. Богато одаренный человек живет, наряду со своей личной жизнью, еще второю, а именно духовною, постепенно превращающуюся в настоящую его цель, причем личная жизнь становится средством к этой цели, тогда как остальные люди именно личную жизнь считают целью.

Таким образом, человек гораздо менее подвержен внешним влияниям, чем это принято думать, а потому использовать свои индивидуальные свойства с наибольшей выгодой, сообразно с этим развивать соответствующие им стремления – это и есть истина. Однако, в жизни происходят самые невероятные проявления индивидуальности, характеристиками которой являются определенное соотношение таких психологических феноменов, как природный инстинкт, интуиция, здравый смысл, разум и рассудок, способность к абстрагированию, проницательности, и наконец, таланта и гениальности.

Умственно недалекий человек может добиться впечатляющих успехов в различных сферах деятельности только из-за того, что обладает хорошими природными инстинктами, помогающими ему вовремя сориентироваться в жизненных ситуациях. Напротив, человек с высокими умственными способностями, но не имеющими природных инстинктов, может упустить жизненные возможности. Или взять другой пример.

Малообразованный человек от природы с небольшими умственными способностями, но живущий по принципу здравого смысла, может достигнуть в жизни много, тогда как одаренный и интеллектуальный человек, прозябать в жизни из-за того, что живет, не соблюдая этот принцип. Однако, в любом случае тупость ума всегда сочетается с притупленностью впечатлительности и с недостатком чувствительности, а эти свойства делают человека менее восприимчивым к страданиям и печалям. Наоборот, нескончаемый поток мыслей, их вечно новая

игра по поводу разнообразных явлений внутреннего и внешнего мира, способность и стремление к все новым и новым комбинациям их – все это качество одаренного ума.

Кому предназначено наложить отпечаток своего ума на все человечество, для того существует лишь одно счастье: иметь возможность развить свои способности и закончить свои труды, и одно несчастье: не иметь этой возможности. С другой стороны, ум, далеко превышающий среднюю норму, есть явление ненормальное, неестественное. Если же сочетаются материальный достаток и великий ум, то в этом случае счастье обеспечено, такой человек будет жить особою, высшею жизнью, так как он застрахован от обоих противоположных источников страданий – нужды и скуки. Ну, а если он материально не обеспечен?

Следуя вышеприведенной логике, судьба человека зависит от удачного соотношения ряда феноменов: природного инстинкта и интуиции; здравого смысла и рассудка; способности к абстрагированию и проницательности; гениальности и трансцендентного воображения? Не является предпосылкой зла именно неадекватное соотношение этих феноменов в том или ином человеке? Ставя такие вопросы, я подумал, что теперь более, чем когда-либо, нужно обнаружить с наружу всё, что есть внутри, чтобы понять, из какого множества разнородных начал состоит наша природа.

Философский анализ мифа о Тегерек будет идти следующим образом. Прежде всего попытаемся установить действительный смысл этого мифа. Потом сравним этот смысл с философских учений об Абсолютном зле. После выявим, какие утверждения миф заранее предполагает и какие из него следуют. И, наконец, необходимо ясно показать воздействие мифов на поведение и поступки человека. Учения о Зле носят подлинно философский характер, так как принадлежат к наиболее широким обобщениям. А теперь пришло время пригласить читателя заглянуть в глубь вопроса, независимо от того, стал ли он философом по выбору, по случаю или по склонности.

Резюме: Миф признается живой функцией цивилизованного человека, помогающей осмыслить прошлое для понимания будущего. Утверждается, что только через глубокое самопознание, развитие интуиции и духовных сил возможно противодействие системному злу и эволюция человеческого сознания. Подчеркивается, что любое определение в реальности является лишь идеализацией, а миф позволяет наполнить эти абстракции живым человеческим опытом. Ремифологизация в современном обществе признается важным фактором возрождения традиций и национального самосознания, помогая человеку обрести защиту и преобразовать реальность через связь с прошлым

Расширенный модуль лекции-диалога №2

Тема: Мифотворчество в эпоху ремифологизации гуманитарного познания: предмет, акценты, тенденции

Цель: Осветить ключевые аспекты современного мифотворчества и актуализировать процессы ремифологизации гуманитарного знания. На примере авторского рассказа раскрыть роль мифотворца как «планировщика бытия», который связывает прошлое, настоящее и будущее, а также проанализировать проблемы родовой идентификации и борьбы с «Абсолютным злом» через литературные и философские образы.

Контент: Кто же такой мифотворец? Прежде всего, это идеальный планировщик бытия, расписывающий реальность, отсекая лишнее и додумывая отсутствующее. Он аргументирует, убеждает, выступая, одновременно, резонатором и толкователем мифа. Мифотворец, конструируя неомиф, выступает не только архитектором времени и пространства, связывая их в прошлое, настоящее, будущее, но и архитектором новых смыслов. Из колоды рассыпающихся смыслов архаичных мифов. Между тем, в авторской книге, надо признать, это весьма интересная рефлексия ученого и философа с его попыткой реферативно описать мир Абсолютного зла и миропрактики борьбы с ним. Нельзя не отметить, что автор выступает и в качестве реаниматора утраченного смысла или проблем запоздалой родовой идентификации. Что это даст? Чтобы строить свои родовые истории? А может быть порождать и выпускать своих ажыдаров?

В чем заключается логика сочинений? Нужно отметить, что процесс осмысления мифа, а также конструирования неомифа осуществляется в форме поступательно-возвратного движения. Так, поняв одно в исходном романе «Тегерек», а также в романе «Проклятье Круга Зла», которых, как было сказано выше, следует воспринимать как нарратив опыта деконструкции мифа, мы, с опорой на них можем сконструировать другое, а затем от другого возвратиться к первому. В результате такого движения процесс интерпретации приобретает циклический характер и постепенно продвигается вперёд к полному истолкованию всего текста и созданию на этой основе неомифа. Разумеется, при условии, когда метафоры содержательно и логически согласуются с другими элементами соответствующей структуры, если смысл этой структуры оказывается непротиворечивым, лишь тогда образуется цельный смысловой контекст неомифа.

Возможность такого взаимообусловленного и прогрессивно развивающегося процесса обеспечивается тем, что каждый фактор во всяком цикле этого процесса приобретает некоторую долю новой информации, с помощью которой удаётся сформировать новую долю информации о другом факторе. Затем эта процедура реализуется в обратном направлении, и мы получаем новую информацию о первом факторе. Такова, как нам кажется, технология конструирования неомифа. Итак, информация об одном из факторов постепенно пополняясь, создаёт предпосылки для увеличения информации о другом факторе. Такое, скажем «парциальный» способ преодоления информационной недостаточности движется по кругу, приобретая новый, более высокий уровень обобщения. Так создается теория кругов или предвестник создания нового учения, название которому итератизм (от слова цикличность).

Теперь, что касается знака или символа Круга. В нашем случае, круг – это содержательная единица сознания, мысль, связанная с явлением нескончаемости Зла. Разумеется, круг содержит в себе самые общие сведения о предмете без намёка на какое-нибудь специальное предназначение, направленность. А если рассматривать круг, как единицу в качестве связки подсказывающую возможную этимологию термина «смысл»? Как известно, у смысла есть функция – достичь определённого результата или эффекта. Он оказывается наделённым определённой значимостью, ценностью для взаимодействующих в процессе коммуникации людей, являясь аксиологическим, социокультурным и ментальным феноменом.

Как сделать так, чтобы интересно и понятно донести до ума читателя научные знания? Автор считает такое возможным, если использовать триадный принцип познания: популяризация → концептуализация → философизация. Как ученый-философ, как писатель-фантаст из романа в роман («Пересотворить человека», «Грани отчаяния», «Тегерек», «Биовзом», «Развенчание мифов», «Фиаско», «Клон дервиша», «Биокомпьютер») создал целую галерею персонажей, представляющих научный мир, которым подвластны смелые научные эксперименты. Разумеется, были у них завистники и оппоненты, которые считали, что авторские идеи слишком абстрактные, отражают абстрактность и сложность научного подхода к излагаемым проблемам. Но интересен не столько анализ художественного уровня научно-фантастических романов автора, сколько анализ культурной мифологии медиатекста, то есть выявление и анализ сконструированных автором мифов и легенд. Разумеется, надеюсь на понимание моих опытов конструирования и философского анализа мифов, тесно связанных с сверхактуальными проблемами современности – Абсолютное зло, эвтаназия, роботхирургия, пересадка головы, клонирование человека и пр. Между тем, взаимосвязь необыкновенных, но «подлинных» событий – один из основополагающих архетипов имеет очень большое значение, прежде всего, для популяризации науки и новых технологий, для актуализации идейных горизонтов мифов и неомифов.

Существует целый ряд факторов, способствующих реализации авторских идей: опора на мифологические источники; постоянство и вариативность метафор; ориентация на последовательное воплощение наиболее стойких сюжетных схем; синтез естественного и сверхъестественного; обращение не к рациональному, а эмоциональному; через идентификацию и стандартизацию идей, ситуаций, характеров; мозаичность, серийность, интуитивное угадывание подсознательных интересов потенциальных читателей и пр. С одной стороны, они усложняют процесс восприятия, ну, а с другой – заметно унифицируют подходы к освещению проблем.

Считают целесообразным выделить несколько этапов: Первый. Выявление фольклорных/мифологических стереотипов медиатекста. Целый ряд положительных персонажей – простых людей, живущих простой жизнью в ограниченных условиях скудного региона. На фоне положительных персонажей выделяется лишь один отрицательный персонаж – Кара-Бахши. Все события разыгрываются вокруг противопоставление целого рода-племени и единственного отрицательного героя, тем самым показывая то, что даже одно Зло может эффективно бороться против Добра и во имя Зла. Видя то, что он – Широ-бахшы не может одолеть заговоры Ак-киши-олуя по поводу заточения аждара он находит свою погибель из-за тайной книги. Второй. Выявление ряда кругов действий положительных персонажей и Широ-бахшы с фольклорной/мифологической основой: во-первых, круг действий Кара-молдо; во-вторых, круг действий кара-кулов – охранителей могилы Зла; в-третьих, круг действий людей, живущих рядом с кара-кулами и помогающих им в борьбе со злом. Третий. Коллективная жизнь и психология кара-кулов с фольклорной/мифологической основой. Автором выбран особый стиль повествования мифа. Можно проследить специфику изобразительного и/или визуального решения в текстах, основанных на мифах и легендах «края каньонов и пещер».

Миф есть одна из чрезвычайно сложных реальностей культуры, и его можно изучать и интерпретировать в самых многочисленных и взаимодополняющих аспектах. В романе «Тегерек» – миф излагает сакральную историю, повествует о событии, произошедшем в доисторические времена в краю каньонов и пещер. Это всегда рассказ о некоем «творении», нам сообщается, каким образом что-либо произошло, и в мифе мы стоим у истоков существования этого «чего-то». Миф говорит только о происшедшем реально, о том, что себя в полной мере проявило. Мифология – это возможность прочесть утраченные страницы прошлого, вспомнить былой Дух, Сакральность, Нравственную сущность, Мировосприятие, не забывая при этом наше настоящее.

В мифе констатирующий компонент представляет какую-либо данность: эмпирический факт, спонтанный феномен психики, мысленный конструкт. В романе «Тегерек» речь идет о горе Тегерек, пещерах, каньонах, вокруг которых сложены легенды и предания. Они выступают для людей, обитающих в тех краях, как объект чувственного восприятия, тогда как существенные характеристики их скрыты. Однако, они по этой причине вызывают у них соответствующий интерес. Из элементов, компонентов постепенно создается ткань мифа, в результате осмысления которого у людей появляется новый познавательный уровень, как переход от поверхностных представлений о явлениях к их причинам, генезису, динамике. Самыми распространёнными является компонент мифа, содержащий в себе каузальные объяснения. В романе «Тегерек» обсуждается ряд вопросов: почему, пещеру (Кара-камар, Астын-устун, Келин-басты) отождествляют с темными силами? Откуда названия Ажыдар-сай, Кара-даван, Ак-суу, Чоюнчу, кара-кулы? Целью мифа о Тегерек было формулировка неких эпистемологических и гносеологических качеств объяснения. Каким видится человеку объясняемое явление? Как человек идентифицирует это явление? Какое представление об этом явлении складывается в сознании этого человека? Между тем, чем адекватнее явлению этот образ, тем адекватнее будет и его объяснение, и наоборот. Данный образ выступает в роли детерминанта содержания объяснения, поскольку с ориентацией на него, в соответствии с ним субъект конструирует содержание объяснения.

Изначально миф о Тегерек публиковался под названием «Тегерек». Восточная культура разнолика, сложна и не всегда понятна европейцу с его особой системой ценностей. Сконструированный миф подвергся деконструкции, на основании чего была сконструирован неомиф. В нем стираются различия национальных культур, мысль автора устремляется далеко в будущее, в мировую культуру, планетарную цивилизацию. Мы акцентируем мифологическую составляющую образа «Гора-саркофаг Тегерек». Это символ в романе «Тегерек», как нарратив являет собой сложный и многозначный символ. В связи с ним возникает, прежде всего, мотив сакральной связи горы-саркофага Тегерек и саркофага, сооруженного над четвертым энергоблоком Чернобыльской АЭС. Мы постарались, органично соединить в своем неомифическом повествовании естественнонаучные знания и мифолого-символический пласт архаических событий. Мы, в нашем неомифе, актуализируем единство человека и природного мира через изображение различных проявлений абсолютного зла. Природное в художественном дискурсе имеет двойственную основу: реалистическое описание глубоко символично, каждый конкретный факт находит свое архетипическое объяснение.

Важную роль играет мифологема горы, рек, пещер, каньонов, заклятий. Особую роль в мифе играет образ пещеры, как темной пустоты, архетипически связанный с темными силами зла. Только в отличие от традиционного символа река «Ак-суу» напротив, выступает на стороне добра. Это река помимо географического фона, выступает в качестве многозначного символа избегания зла. Мною используются фольклорные мотивы гор и пещер, прежде всего, в качестве соответствующих символов: Гора – Сфера, Пещера – АнтиСфера, а не в качестве метода усиления зрелищности и эмоциональной притягательности. Мифологические и неомифологические сюжеты куда сложнее. Они дают старт посмотреть на самого себя в прошлом, наблюдать разницу текущего состояния, бросить взгляд на будущее.

Неомиф в той или иной мере насыщен символами, опирающиеся на географическую реальность, но фактически императивно над ней властвующие. Г. Гейне однажды написал: «Когда мир раскалывается надвое, трещина проходит через сердце поэта». Мы можем сказать, что, когда гора-саркофаг Тегерек раскалывается, трещина проходит через людские сердца. Старцы остро чувствуют свою миссию по борьбе с ажыдаром. Ответственность, совесть и храброе сердце – вот то, что нужно для противодействия злу в любом его облики не только в те далекие мифологические времена, но и сейчас. Возможно, даже в большей степени, чем в прошлые века. В неомифе мы возвращались к этой проблеме уже на современном уровне с накоп-

ленным за это время более широких и глубоких познаний, и, конечно, мы должны, даже обязаны по-другому относиться и действовать во имя идей, заложенных еще в сакские времена. Таков лейтмотив неомифа. Такой культуросозидающий пафос вливается в идею о создании особого учения – итератизма. Однако, мы акцентируем на то, что сама природа человеческой мысли – это ускользающая тайна, мучительная загадка...

Не секрет, что часть людей понимают утопичность наших мыслей о «новой технологии» ликвидации онтологической недостаточности людей, как фабрики Зла. В мифе словами Ашимбава, Айсулуу-эне постоянно говорится о необходимости повышения познавательного уровня людей, о подъеме, о преодолении себя через делание, освоение, улучшение мира. Так рождается мифологема «светлого будущего» как «мира без ажыдара», на основе чего нами актуализируются проблема борьбы против Зла через концептуальное развитие проблемы, как таковой и философских размышлений. В романе представлена дихотомия «Добро/Зло». Соединив реальную географию с мифологической, мы через личности положительных и отрицательных героев, их мировосприятия и жизнестроительство, попытались создать неомиф.

Итак, неомиф – это повествование определенного сюжета с использованием целого арсенала образности, в первую очередь – литературно-мифологической, на основе которого выполняется попытка ответить на вечные экзистенциальные вопросы (жизнь, смерть, добро, зло), стоящие перед человеком во все времена. Целью неомифа – это обращение исследователя к вечным универсалиям в целях реактуализации глубинных реакций человека на те или иные ценности. Они продиктованы особенностями авторской концепции, индивидуальным подходом в постановке социальных и нравственно-философских вопросов современности. Неомиф раскрывает глубинные аспекты бытия, в которых присутствует прием потока сознания, мифоаналогии, образного мышления. Неомиф – это новый вариант мифопоэтики, связанные с традицией переплетения настоящего, прошлого и будущего, где новое по-иному раскрывает старое. Главная задача – это создание нового отношения к действительности путем пересмотра серии забытых миропониманий. Неомиф рождает широкий символизм, художественный образ обретает синтетическую природу, многозначность, многоплановость символа-мифа.

Тема этой книги у многих людей может вызвать непонимание или отрицание. Дело в том, что даже само понятие «Дьявол» можно встретить в очень и очень узком кругу учений. Куда больше религий признают существование «Бога» или «Богов» без всяких антагонистов. И всё же хотелось бы сказать: попробуйте прочесть данную книгу до конца, быть может, автор придает термину «Дьявол» слегка иное, скажем так, – «более глубинное» значение? А если взять за основу несколько вариантов: Антропоморфный Дьявол – некий злоедейский тип, который обладает личностными качествами умного и могучего злодея, а истинный облик его очень страшен и воплощает в себе всю несправедливость и жестокость; Дьявол-отступник – это некий поток энергии, порожденный умами людей, и несущий, кому – свободу, а кому – боль и страдания. Это уже более сложная концепция Дьявола, требующая развитого воображения; Дьявол – это совокупность воззрений на мир, которые глубоко укоренились в нас, и олицетворяет боль, злобу, суету, ложь. Редко, когда человек осознанно решает, в какую модель Дьявола верить, да и верить ли вообще. Чаще всего поток жизни сам бросает нас в то или иное русло, а мы уже ставим на это штамп «Мой выбор».

В качестве мифологического нарратива или «бриколажа» нами использованы отдельные метафоричные истории, обобщенные в форме научно-фантастического или социально-философского романа. Считаем, что схема «нарратив – метафизика – философская импликация» важна для эффективной популяризации знаний, когда человеку прививается вначале метафорическое мышление, а затем уже логическое, соблюдая диалектический принцип: от простого к сложному; от единичного к общему, через особенное.

Заранее согласен со всеми замечаниями читателя, во-первых, по поводу «мозаичности» в изложении материала, а во-вторых, по поводу того, что пришлось соединить мифоло-

гию и философию, науку и практику. Уверяю, что все это мною предпринято лишь во имя раскрутки интересной мировоззренческой проблемы. В конечном итоге получилась сюжетная линия «От Мифа к Логосу». Хочу сразу же предупредить, что все события, персонажи, имена – вымышлены, а любые совпадения – случайны. Чего не скажешь о научно-философской выкладке. Они вполне реальны, хотя отдельные утверждения спорны, по существу. Изображённые события и события изображения представляют определённую позицию автора в актуализации текстовых стратегий всех частей книги. Во многих случаях при дословном понимании вообще не оказывается объектов, описанных определением. Например, окружность – это множество точек, равноудаленных от точки, называемой центром окружности. Но в реальности нет точек, да и все расстояния измеряются приближенно.

Завершая введение, хотелось бы отметить такую писательскую уловку. В романе «Тегерек» приведены действующие персонажи названы по имени ныне живущих или недавно ушедших в мир иной соплеменников рода кара-кулов. Почему и каковы мотивы такого подхода? Нужно признать, что, к сожалению, мы полностью забыли элементарную нашу традицию – называть своих детей именами предков. Кто нас заставляет дать им арабские либо русские или иностранные имена? В мифах, легендах, преданиях народов мира считается, что каждый ребенок является реинкарнированным духом какого-то предка. А ведь из-за не сохранения имен наших предков, мы сейчас кроме своего отца и бабушки дальше никого не помним, чем не повод осмыслить пагубность такого подхода к своим корням. Так и хочется попросить прощение у своих предков. «Простите нас наши предки, за то, что мы незаслуженно бросили вас в забвение, мы не смогли остаться достойными вас, мы не смогли вовремя открыть и читать ваши мысли, устремления, былые Ваши заслуги, победы, достижения! Мы находим утешение в том, что наш сегодняшний, до сих пор малочисленный род кара-кулов – это и есть ваши потомки. Поверьте, он сможет встать на ноги, исправиться и продолжит достигнутые вами высоты. Таковы суждения автора, таковы мотивы его литературно-философского сочинения.

Резюме: Фигура мифотворца – это «идеальный планировщик», который отсекает лишнее и достраивает реальность, выступая одновременно резонатором и интерпретатором мифа. В гуманитарном познании наблюдается возврат к мифу как способу описания сложных психологических и социальных феноменов, которые невозможно зафиксировать только через объективные факты. Центральной темой лекции является утверждение, что корень зла кроется в самой природе человека – в его эгоизме, алчности, тщеславии и равнодушии. Эти качества признаются универсальными как для персонажей архаичного мифа (Омурзак-бава), так и для героев современности (Алимов).

Расширенный модуль лекции-диалог №3

Тема: Конструирование мифа о зле: проблемы, принципы, подходы

Цель: Изложить технологию конструирования мифа, отразить ключевые проблемы, принципы и методологические подходы к созданию современных мифологических систем. На базе авторского опыта конструирования мифа о горе Тегерек показать, как мифологический дискурс может служить инструментом переосмысления ответственности человека в современную кризисную эпоху. Причем, в целях наглядности на базе авторского опыта конструирования мифа о Тегерек, повествование в форме живого рассказа.

Контент: Нужно отметить, что исследование мифологического дискурса, как целостной единицы художественного моделирования является одним из актуальных направлений современной науки, литературы, культуры. Многие авторы, в числе которых Т.А.Апилян (2005), Г.Б.Бедненко (2008), Ы.М.Мукасов (2018) и др. подчеркивают, что на рубеже XX – XXI вв. отмечается заметное повышение интереса к мифу, к специфике мифологического мировосприятия. Т.И.Борко (2006), О.И.Генисаретский (2007), Ж.-Ж. Вюнанбурже (2010) и др., подчеркивают, что именно обращение людей к мифу и мифологии в современную кризисную эпоху способствует переосмыслению мира, созданию новой ее модели. Мы придерживались именно такой концепции при конструировании мифа о Тегерек, в котором речь идет о проблемах переосмысления гуманитарной ответственности в современной эпохе в сравнении с архаичными временами. Уместно привести высказывания Гегеля Ф. (1770—1931) по созданию новой мифологии – «мифологию разума». – «В мире есть своя логика, разрешающая противоположные высказывания. Формальная логика с запретом противоречия – это антитеза мифа. Миф – это форма мысли человека», – писал автор [Гегель Ф., 1994].

Исследователи, в числе которых Ю.М.Дуплинская (2004), Г.В.Зубко (2008) и др. справедливо считают, что миф – есть один из чрезвычайно сложных реальностей культуры, а потому его нужно исследовать и интерпретировать на научно-мировоззренческой и социокультурной основе и в различных аспектах. Задачей такого подхода, как писал К.Г.Юнг (1875—1961), является открытие «мировой души» – таинственное пространство коллективного бессознательного, включающие много-много других «я». Он утверждал, что, в целом из таких информационных пространств, как «Я» + «душа» + «миф», складывается уникальный, индивидуальный мир Человека [Юнг К. Г., 1994]. На наш взгляд, если сосредоточиться на этом принципе, то при конструировании нового мифа необходимо спрогнозировать в нем процесс разглядения более глубинных проблем человечества, в том числе в условиях современности и, на этой основе попытаться сформулировать новую научно-мировоззренческую культуру.

Прежде всего поясним, что миф о Тегерек является искусственно сконструированным, то есть является собой чистый вымысел, причем, составленный лишь на основании отдельных ландшафтных и географических названий реальной местности в Ляйлякском районе Баткенской области Кыргызстана, а также скудных преданий одной из местных племен (кара-кулы) о мудром старце рода Ак-киши-олуя. Сама географическая реальность местности, названной нами, как «край каньонов и пещер» в какой-то мере, причем, в самом начале отвечает мифическому духу романа «Тегерек». В нем говорится о том, что в пути в тот самый край, дорога, как бы проваливается в каньон и, вместо только-что зримого и необъятного простора Талпак (в пер. с кырг. – плоскость), вдруг и сразу взору представляется уже мрачные высоченные каменные стены вкруговую. У любого человека создается некое ощущение попадания в пещеру, зловеще зияющую своей темной пустотой. Один из персонажей романа – Сагынбек-ава говорит, что «тут уже другой мир, тут сама древность, тут таинство темных пещер и глубоких каньонов».

Разумеется, любой предвзятый читатель, в том числе из числа местных жителей или старожилов этого края, любой специалист, будь он краевед, историк, этнограф, мифолог, географ, литератор, философ, не отыщет каких-либо сведений о существовании не только мифа о Тегерек, но и какого-либо подобного сказания или легенды. Говоря напрямую, утверждаем о том, что этот миф исключительно создан нами. О мотивах и реальных причинах скажем ниже, а пока, как говорится в сказках и легендах «было так или не было – кроме бога, свидетелей не было». Примерно такого мнения придерживаемся и мы, что выражено устами одного из героев романа Суванкул-ава: – «Есть такое предание и можно услышать от людей, что из всех магических и святых мест юга Средней Азии, глубже всего запрятана гора Тегерек. Причем не только от людских глаз», – говорит он, – «секреты, скрытые в этой горе упрятаны и в генной памяти и сердцах жителей его окрестностей». Так начинается повествование мифа о Тегерек. В самом деле, в сконструированном мифе мифологическая реальность репрезентируется, как действительный мир с единственной целью сотворить новый миф, наполненный новым, сверх-актуальным значением эсхатологического порядка. В этом отношении, этот миф, как, впрочем, любой современный миф – это дискурс, который является целостной коммуникативной единицей, адресованной читателю и направленной на адекватную интерпретацию реципиентом в ракурсе реальных вызовов и угроз современности. В подобных ситуациях стоит задуматься о том, что же имел в виду Сагынбек-ава, когда сказал Руслану, впервые увидевшего Тегерек: – «Тайна горы запрятана глубоко в земле под ее основанием». Мало кому, в том числе и Руслану, было невдомек, что гора оказывается рукотворной, впрочем, как каменный саркофаг Чернобыля. – «Было так или не было – кроме его величества Природы, свидетелей нет», – говорит рассказчик. Между тем, пересказ любого мифа, легенды или преданий требует знания предшествующего контекста, а также обязательно предполагает хотя бы относительную интертекстуальную компетентность реципиента. В этой связи, и возникает необходимость изложения сведений о генезисе мифа. Так вот, в целом, миф о Тегерек «как будто бы» отражает сакральную историю небольшого племени кара-кулов, повествуя о событиях, «как будто бы» произошедших в достопамятные времена в далеком «краю каньонов и пещер», где проживало и проживает, по сей день, потомки этого маленького кыргызского племени. – «Прошли века с тех пор, как свидетели и строители этой горы-саркофага, покинули бренный мир, а большинство же смертных, даже в этих окрестностях, уже давно забыли о мифической природе и сути горы», – рассказывает Суванкул-ава.

Находим нужным сделать условное допущение о том, что такой миф существовал. В этом случае, потребуется и следующее допущение о том, каковы были истоки мифа и в чем заключалась, скажем социальная его роль? Вне зависимости от ответа, мы выражаем свою солидарность с образными выражениями принципов мифа А.Ф.Лосева (1994): – «Миф не аргументирует и не убеждает; миф является одновременно резонатором и толкователем; миф растет снизу, формируясь из коллективных фобий, комплексов, надежд и фантазий». А когда миф умирает? – задается А.Ф.Лосев (1893—1988) и сам же отвечает: – «Миф умирает, когда разрушается социальный запрос на него: когда распадается тот социальный порядок, что сделал его возможным; когда исчезают те практики, которые он трактовал и поддерживал. И наоборот – он жив, пока реальность его терпит». Таким образом, степень веса мифа в наличном социуме обратно пропорциональна уровню рефлексивности коллективного сознания.

Следует признать, что в вышеуказанном случае, возникает другой вопрос: в чем заключается сущность мифологического сознания? Наверное, прежде всего, в образно-метафорической маркировке реальности на базе сходных жизненных практик, считают ряд исследователей, в числе которых А.Б.Венгеров, М.С.Галина, А.В.Гулыга, П.С.Гуревич, В.П.Дубицкая и др. Так как миф из жизни социума, захваченного мифом, а потому нельзя этот миф извлечь, не покалечив смысла его существования, – утверждают мифологи [цит. – С.А.Яровенко, 2000]. Понятно и то, что поле мифологического живет как бесконечный поисковый цикл с регулярным обнов-

лением смыслов. В этом аспекте, мы солидарны с Элиаде М. (1907—1986), утверждавший о том, что миф следует понимать не как сказку, вымысел или фантазию, а так, как его понимали в первобытных сообществах, где мифы обозначали подлинные события, а потому миф следует определять через его содержание, иллюстрирующий тот или иной смысл этого мифа. — «Миф излагает сакральную историю, повествует о событии, произошедшем в достопамятные времена «начала всех начал», — писал Элиаде М. (1995). В этом аспекте, миф о Тегерек рассказывает, каким образом, вымысел создателя мифа, отражая будто бы некоторую реальность, благодаря подвигам тех или иных ее вымышленных героев, достигла своего воплощения и осуществления заложенных в нем смысла и идей. В романе «Тегерек» на скепсис студента Руслана в отношении реальности мифа, один из старожиллов местности Суванкул-ава говорит: — «Пусть миф останется мифом. У нас свое представление о движении Природы. Мы — люди маленькие, живем своими маленькими заботами, у нас свои представления о Добре и Зле. Так что будьте снисходительны к нам, к нашей истории и преданиям». Надо полагать, что это есть обращение не только к Руслану, но и ко всем людям.

Как известно, любой миф — это, некий рассказ о некоем «творении», когда сообщается о том, каким образом и что-либо произошло. То есть в мифе, мы стоим у истоков существования этого «чего-то», — подчеркивают многие мифологи [цит. — А. Чернышов, 1992]. И все же, в какой-то мере соглашаясь с такими мнениями, считаем, что с мифом о Тегерек было несколько иначе. Вновь подчеркиваем тот факт, что даже отдаленных отголосков этого мифа в виде сказаний ли, преданий ли не было и не существовало в принципе. То есть не было ни одной истории о Тегерек, кроме, как названия горы, выделяющейся из окружающих гор своей необычной круглой формой. Не было ни одной истории, хотя бы отдаленно связанной с ажыдаром, пещерами, горами, кроме как ряда географических названий — «Тегерек», «ажыдар-сай», «кара-кулы», «Кара-даван», «Кара-молдо», «Ак-суу» и пр. Нам остается лишь допустить, что, если они и были, то, к сожалению, не сохранились ни в памяти поколений, ни в источниках письменной или устной речи местного народа. Безусловно важен вопрос: что было важно для создания нового мифа? Как нам кажется, важно было из ландшафтных характеристик и особенностей, отдельных топонимических названий, каких-то обрывков фраз и слов, «осколков» местных историй, событий и преданий, образов предков, а также неких, довольно туманных намеков на скрытые смыслы составить такой миф. Между тем, такой мифологический нарратив в виде романа создавался нами лишь ради раскрутки интересной и актуальной проблемы отражения Добра и Зла в сознании архаичных людей. И действительно, как описано в романе, посреди горных окружений, возвышалась огромная гора, сферической формы, напоминающая огромную юрту. Внешне гора действительно выглядела как рукотворное грандиозное сооружение, схожая с египетскими пирамидами и саркофагом Чернобыльской АЭС. — «Это не просто гора, а гора- саркофаг, такой же, как пирамида Хеопса, объект „Укрытие“ Чернобыля», — рассказывает Сагынбек-ава.

Действительно, если проследить «траекторию» повествования любого мифа — то это отрывочные, разрозненные, смутные обрывки элементов истории, которая во многом воспринималась как сказка, предание, но не более. В этом аспекте, хотелось бы сказать, что любой миф начинает свое существование, как индивидуальный. По мнению О.А.Тогусакова (2003), миф возникает, как мнение у конкретного человека о своем отношении к чему-то. Человеку свойственно делиться своим мнением с окружающими и в процессе попытки поделиться может выясниться, что мнение не самодостаточно, не понятно, не исчерпывающее и, вообще неинтересен объект самого мнения. В отношении мифа о Тегерек, все было абсолютно наоборот. Исследователю было важно развернуть проблему Абсолютного Зла, его мира и пространства в сегодняшней действительности, в сравнении с архаичным временем. Нужен был художественный нарратив или так называемый мифологический «бриколаж», как фабула и образец целенаправленного художественного размышления и повествования о восприятии вечных

феноменов мира (Добро/Зло, Жизнь/Смерть, Свет/Тьма, Знание/Незнание и пр.) в архаичные времена. В романе «Тегерек» устами Саынбек-ава говорится о том, что маленький кыргызский род, проживающий в окрестностях Тегерек – приветливых, простых и добрых, но, почему-то скрытных и замкнутых в себе, людей, во все времена были и те, которые смотрели на эту гору с некоторой боязнью и предосторожностью. – «Лишь теперь становится понятным догадка о том, что, возможно в них говорила и генная память предков, и предания тех далеких времен о трагических испытаниях и бедствиях», – рассказывает Руслан, впервые услышавший рассказ о Тегерек.

Надо полагать, что весь мир, в том числе и Кыргызстан, в условиях социально-экономической нестабильности и морально-нравственных разногласий в обществе, имеет потребность в мифах, а также в новом переосмыслении их в ракурсе угроз и вызовов современности. Как подчеркивают многие философы и мифологи, в числе которых О.А.Тогусаков (2005), Ш.Б.Акмолдоева (2006), Д.П.Козолупенко (2009), Ы.М.Мукасов (2020) и др., с помощью мифов можно мобилизовать общество, высвободить энергию масс и направить её в нужном направлении, для чего возникает необходимость конструировать новые мифы и навязывать их обществу. Тому есть основания, так как любые мифы не так сложны и их можно заложить в подсознании людей, а потому созвучны нашим представлениям и эмоциям. В этом аспекте, следует согласиться с В.Н.Топоровым (1982) в том, что одна из важных особенностей мифа – это выполнение функции моделирования социального бытия, его феноменов и процессов – истории, культуры, настоящего, прошлого, будущего, размывая и стирая при этом границы между реальным и виртуальным. Вот почему, миф является действенным средством социально-ментального конструирования, а значит – средством манипулирования сознанием людей, – считает автор. Мы также рассчитываем на то, что и миф о Тегерек сыграет свою определенную познавательно-культурологическую роль, акцентируя внимание современников на проблему, прежде всего, взаимоотношения Добра и Зла. Хотелось бы обратить внимание на следующую мысль Саттар-ава: – «Многие, конечно же сомневаются в том, что в саркофаге находится тело ажыдара, да еще и подающий признаки жизни. Ну, даже допуская, что он мертв, нельзя предугадать, что тело его может послужить неким генетическим кодом для воспроизводства нового зла». Очевидно, здес важен вывод о том, что в случае разрушения саркофага, в котором захоронен ажыдар, само Зло, что он олицетворяет, может вырваться на волю и сотворить грандиозную беду для людей мира.

Нужно отметить, что интерес к мифу на рубеже XX – XXI вв. связан с широким развитием, прежде всего, этнографических исследований. Накоплен огромный материал о жизни и культуре племен и народов, который послужил основой для дальнейшей разработки различных теорий мифов. Как известно, выдвинуты различные концепции и направления современного мифотворчества, авторами которых являются Т.А.Апинян, В.А.Бачинин, Ж. Бодрийяр, А.Б.Венгеров, М.С.Галина, А.В.Гулыга, П.С.Гуревич, В.П.Дубицкая, М.С.Евзлин, И.И.Кравченко, В.В.Малявин, В.М.Найдыш, Л.И.Насонова, Г.В.Осипов, В. Парето, В.М.Пивоев, Г.Г.Почепцов, Ж. Сорель, М.И.Стеблин-Каменский, Б.А.Успенский, В.П.Шестаков, А.В.Юревич и др. По А. Ф. Лосеву (1893—1988), мифология – определяется как система фантастических представлений либо как изначально истинное пересказанное событие. Во втором случае, как нам кажется, речь идет о событиях мифического времени, приключения тотемических предков, культурных героев «оказываются своеобразным метафорическим кодом, посредством которого моделируется устройство мира, природного и социального». И хотя эти события и процессы, отголоски коих доносит до нас миф, часто принадлежат седой древности, так сказать, «застревают в доисторическом времени», – писал он [А.Ф.Лосев, 1991]. На наш взгляд, смысл высказываний автора в том, что в случае «условно исторических» интерпретаций, миф трактуется как «правдивое» повествование о вещах и событиях вполне реальных, как описание материальных процессов, имевших место в действительности, в истории людей, или

окружающего их мира. В романе «Тегерек» Талип, впервые увидевший Тегерек сравнивает эту громадину с древними рукотворными пирамидами Хеопса. Сторожил местности Эргеш-ава, утверждая факт рукотворности Тегерека, отвечает на скепсис Талипа: – «Если бы только один человек рассказал бы историю создания Тегерек, то назвали бы его фантазером. Но об этом говорили многие, прапрапрадед рассказывал прапрадеду, тот рассказывал прадеду, а этот прадед рассказывал деду, дед – отцу. И так десятки и сотни лет к ряду. Значить есть какая-то правда о рукотворности создания горы».

Нужно подчеркнуть, что общетеоретическими принципами, а также теоретическими основаниями для конструирования нами мифа выступают результаты исследований философско-культурологического направления. Причем, не только зарубежных и российских авторов (П.С.Гуревич, А.Ф.Лосев, М.К.Мамардашвили, В.Д.Губин, В.Г.Ибрагимова, И.И.Кравченко, Д.В.Реут И. Хейзинга, К. Хюбнер, Ф.Х.Кессиди, С.С.Аверинцев, Дж. Кэмпбелл, Е.М.Мелетинский, Э. Кассирер, О.М.Фрейденоберг и др.), но и отечественных исследователей (А.Ч.Какеев, Ш.Б.Акмолдоева, О.А.Тогусаков, А.А.Акматалиев, Ы.М.Мукасов и др.). Хюбнер К. (1986), как, впрочем, Фрейзер Дж. (1999) и др. объясняли происхождение мифов из ритуальных обрядов примитивных народов. В свое время Элиаде М. (1995) очертил базисные для первобытного мышления свойства мифа: быть историей подвигов сверхъестественных существ; представляться абсолютно реальным, истинным и сакральным повествованием; служить архивом этиологических знаний, транслируемых в ходе инициации каждой очередной генерации; быть инструментом познания, приобретения новых сведений и овладения новыми операционными навыками; быть способным реактуализировать события священной истории. В ракурсе последнего, миф о Тегерек, прежде всего, служит не только инструментом познавательного процесса, но и реактуализации в современных условиях идеи постоянной настороженности и противодействия мировому злу. Приводим слова Ак-киши-олуя: – «Мы смогли одолеть ажыдара, упрятать его тело в саркофаг. Но считайте, что это не могила его, а тюрьма. Ажыдар может ожить, его невозможно уничтожить раз и навсегда, потому, что такова его природа». Пожалуй, важным является заключение о том, что ажыдар с точки зрения кара-кулов не только существо биологическое, он и символ абсолютного зла в этом мире. Вот почему, актуален призыв старца: – «Будьте бдительны! Отныне от нас самих будет зависеть, быть злу или не быть ему в этом мире».

Нужно заметить, что этиологическая функция мифа очень близка объяснительной и мировоззренческой, но единодушно признается всеми исследователями мифологии в качестве самостоятельной, так как маркирует этиологические мифы, связанные с «эмбриогенезом» рода-племени. По мнению ряда мифологов – С.С.Аверинцев, Дж. Кэмпбелл, Е.М.Мелетинский, А.Ф.Лосев, Элиаде М. и др., свойства оказываются присущи мифу не только на уровне рода-племени, но и вплоть до наших дней. Они утверждают, что в мифе происходит аккумуляция опыта прошлого, то есть миф выполняет своеобразную функцию исторической памяти народов, когда к нему регулярно обращаются с целью извлечения положительного опыта предшествующих поколений людей, так как носит в себе мифическое повествование конкретно-исторического развития. Об этом упоминают в своих трудах А.Г.Афанасьев (1996), Ю.М.Дуплинская (2004) и др., которые убеждены в том, что именно на этой основе складывается традиция аллегорического толкования мифологии, когда миф рассматривается в виде универсального способа сохранения и передачи последующим поколениям людей социально значимого опыта-знания. В мифе о Тегерек тем самым социальным опытом является осмысление ажыдар «вне себя» и ажыдара «внутри себя», а также борьба с ними. Ак-киши-олуя говорит: – «Наша беда в том, что страхом перед ажыдаром, мы настолько сузили круг общения, интересов и устремлений, что вряд ли у нас есть будущее. Ведь мы остались не приспособленными двигаться вперед, к образованию, к миру. Вся беда в том, что ажыдара мы пустили в свои души, он пленил наши души».

При интерпретации мифа, с точки зрения С.С.Аверинцева, Дж. Кэмпбелла, Е.М.Мелетинского, Э. Кассирера, О.М.Фрейденаберга и др., важно то, что он рассказывает, каким образом реальность достигла своего воплощения и осуществления. Причем, наиболее существенным здесь, по мнению мифологов, является то, что, раскрывая смысл события или явления в те времена, миф обнаруживает их сакральность, которая проявляясь «ограничивает» и «историзирует» себя в онтологическом аспекте «священное – мирское», представляющее перед конструктором и интерпретатором мифа в виде проблемы соотношения реального и ирреального. В романе старый воин Сатыбалды говорит такие слова: – «Мы должны покончить с аждадаром, а потом покончить со страхом в своем коллективном сознании. Нужно решиться! Предлагаю отыскать аждадара и, наконец, разделаться с ним раз и навсегда. Все это во имя настоящего и будущего нашего рода-племени и нашего края». Общеизвестно, историческое время последовательно, диахронично и необратимо, тогда как мифическое время одновременно обратимо и необратимо, синхронично и диахронично. Таковы отдельные выводы ряда авторов, в числе которых В.Н.Топоров (1982), И.Ф.Игнатъева (2004) Т.А.Апинян (2005), Г.Б.Бедненко (2008) и др. Именно такая двойная структура, одновременно историческая и внеисторическая, актуализирует миф в каждый конкретный исторический период времени. Вот почему любой древний миф, неизменно оставаясь рассказом о далеком прошлом, о том, что происходило «с самого начала», «в те давние времена», «в прошлые века и тысячелетия», является одновременно источником всего субстанциального «на сегодня», – полагают А.Г.Афанасьев (1996), Ю.М.Дуплинская (2004) Т.А.Апинян (2005), Г.Б.Бедненко (2008) и др. Как нам кажется, именно такая неоднородность времени и пространства мифа проявляется в опыте противопоставления сакрального и реального, служа некоторой «точкой отсчета», вычлняющей все последующие мифологические и реальные противопоставления (Хаос/Порядок, Добро/Зло, Жизнь/Смерть), что, в конечном итоге, осмысливается людьми и закрепляется в человеческой культуре. В романе молодой студент Талип, впервые услышав миф о Тегерек рассуждает о том, что старые истории, легенды и мифы стали частью самой жизни простого народа. – «Странно, как будущее тесно связано с прошлым, так что и то, и другое проходит через настоящее, как огромное колесо», – говорит он. Возможно, иллюстрацией к этому служит его сон, как огромное колесо давит все перед собою, как будто бы прошедшее вторгается прямо в настоящее, отбрасывая при этом длинную тень на будущее.

Разумеется, любой миф выражает особую реальность, богатой смыслом, нежели реальность из нее образованная. В этом аспекте, миф для человека является живой реальностью, обладающей значением для подражания, – пишет Кассирер Э. (2001). С автором трудно не согласиться в том, что миф сохраняет следы исчезнувших форм социальной жизни и культуры, и их рассмотрение может помочь вскрыть источники многих мифологических мотивов, то приступая к изучению мифа необходимо задаться вопросом о том, каким явлениям исторического прошлого и в какой степени оно его обуславливает. В романе «Тегерек» устами Курбанбай-тага говорится о том, что это было давным-давно в прошлом, измеряемом не одной сотней лет и мало, кто знает, что каменный склеп был создан, что в нем захоронено нечто злое начало – не то дух, не то тело. Естественно, как нам кажется, искусственно сконструирован миф не выражает, а воссоздает особую реальность с искусственно «обогащенным» смыслом определенного порядка. Так вот в этом романе Расул с удивлением рассказывает: – «Что странно, когда речь заходила о горе Тегерек, которую кара-кулы рассматривали, как свой природный и духовный тотем, мысли их всегда воспаляются, как маяки, захлестываемые волнами эмоций от незримого присутствия в их сознании исторической памяти об истинной природе этой горы, о героических временах и предках, победивших аждадара».

Литературная обработка Т.А.Апиняна, В.А.Бачинина, Ж. Бодрийяра, А.Б.Венгерова, М.С.Галиной, П.С.Гуревича, И.И.Кравченко, В.В.Малявин, Л.И.Насонова, Г.В.Осипова показали, что Тейлор Э. (1832—1917) развитие мифологии считал результатом жизненных наблю-

дений над загадочными для тогдашнего человека явлениями, сном, болезнями, смертью. В мифе он видел воплощение философии природы и считал его источником последующего литературного творчества. Как считают авторы, именно Ницше Ф. (1844—1900) показывает зарождение греческой трагедии из культа Диониса, который символизировал иррациональное и Аполлона, который символизировал рациональное в человеке и культуре. Спасение цивилизации он видит в новом мифотворчестве, основанном на дионисийском начале и необузданности энергии сверхчеловека.

Резюме: Символизм нового мифа в том, что гора Тегерек (духовный тотем) – это олицетворение победы над ажыдаром (драконом), что демонстрируется через миф в форме пробуждения исторической памяти и передачи этических уроков предков. Процесс создания мифа рассматривается не просто как вымысел, а как воссоздание особой реальности с «обогащенным» смыслом. Мифоконструкция опирается на идеи Ф. Гегеля, Ф. Ницше и Э. Тейлора, рассматривая миф как результат жизненных наблюдений и источник последующего литературного и философского творчества.

Расширенный модуль лекции-диалог №4

Тема: Этнографические истоки мифа: от родовой архаики к современной идентичности

Цель: Раскрыть этнографические и антропологические корни мифологии, сопоставив архаические пласты родовых преданий с их функционированием в современном сознании. На примере истории рода кара-кулов и символики горы Тегерек показать, как конкретные географические объекты и предметы (саркофаг, пещеры, сай) трансформируются в мощные культурные символы, формирующие идентичность и этические нормы потомков.

Контент: Интерес к мифу в XX в. связан с развитием этнографических исследований. К примеру, на базе осмысления жизни и культуры племен и народов Фрейзер Дж. (1854—1941) разработал антропологическую теорию, объясняющая происхождение мифов из ритуальных обрядов примитивных народов, Чемберс Э., Уэстон Дж., Корнфорд Ф., Кэмпбелл Дж., Нойман Э., Элиаде М. и др. занимались поисками мифологического архетипа, общего для всех мировых мифологий, а психоаналитики Фрейд З. и Юнг К. считали психологию человека важнейшим элементом культуры мифа, в содержании которого наиболее отчетливо проявляются архетипы коллективного бессознательного [цит. – Т.И.Борко, 2006]. В этом аспекте, Расул, впервые побывавший на малой родине своего деда, признавался, что под впечатлением о думках и поведении кара-кулов вблизи их тотемной горы, он вновь взглянул на Тегерек, но уже совсем другим взглядом. Теперь у него вовсе не было того скепсиса, что было недавно. Сомнения у него сменились интересом и, он уже совершенно иначе воспринимал историю, жизнь, быт и нравы своих родственников. Так или иначе, миф не является заблуждением разума, компенсаторной иллюзией или ложным объяснением, возникает не из недостатка опыта, ошибок языка в наделении значением, или неполноты развития когнитивных способностей человека. По А. Ф. Лосеву (1893—1988), миф проявляет себя как эпифеномен мышления, возникая всякий раз, когда сознание направлено на объект, пытаясь осмыслить его. Мифологическим можно назвать сознание в условиях первой встречи с неизвестным, то есть сознание в состоянии удивления, возбуждения. Это всегда вопрошающее сознание. Поэтому на первых этапах познавательной деятельности сознание всегда мифологично, подчеркивает М.Ф.Амусин (2014).

В целом, мифология является одним из условий и возможностей построения символических форм реальности и универсальной системы освоения мироустройства и познания самого себя. Элиаде М. и Кембелл Дж. видят в мифе сакральное повествование о действительных событиях [Элиаде М., 2010]. А.Ф.Лосев (1893—1988) считает, что миф – это символ, определяющий траекторию человеческой жизни и ее смысл. Автор пишет: – «Мифы – это символы, посредством которых можно изучать сознание и самосознание людей определенной эпохи. При этом изучаются не столько сами мифы, сколько их сюжеты и образы. Интерпретируя тот или иной повторяющийся сюжет, можно выстроить общую картину, присущую данному времени» [А.Ф.Лосев, 1994]. Нужно отметить, что композиционным ядром романа «Тегерек» все же является борьба маленького рода-племени с ажыдаром. Причем, не на жизнь, а на смерть. Сюжетная линия романа разворачивается так, что в те дальние времена жители этого края, не нашли другого выхода, кроме как решиться на смертный бой с ажыдаром. Чувствовалось, что каждый из кара-кулов давно устал от вечных страхов перед ажыдарами и был готов к любым испытаниям судьбы. Очевидно, важным является вывод о том, что, если не все в роду, но старшие точно, подспудно понимали, что победив ажыдара «вне себя», они пока еще лишь на пути к победе ажыдара «внутри себя».

Итак, как правило, мифологические тексты относятся к «стародавним, начальным временам». В этом аспекте, хотя миф о Тегерек – это повествование фантастически изображаю-

ших действительность такого времени, но это не жанр литературы, а отражение определенного представления людей, проживающих в краю каньонов и пещер, о мире, о себе, о справедливости, о настоящем и будущем. Прав был старец Ак-киши-олуя в том, что страх настолько въелась в ткань сознания сородичей, что предстояло серьезно осмыслить свое отношение к страхам, внимательно приглядется не только к носителю зла – ажыдару, но и к самому себе. Здесь впервые появляется мысль о том, что ажыдар – это олицетворение зла. Безусловно, вышеуказанный миф по идее должны была бы быть культовым для конкретного рода-племени, так как миф, как известно, с подачи автора книги окружен святостью и тайной, являясь, как бы сокровенным достоянием предков и потомков племени «кара кулы». Так, по крайней мере, задумывалось, что миф о Тегерек составляет, как бы священное духовное сокровище небольшого рода-племени, связаны с заветными родоплеменными традициями, а потому утверждают сложившуюся систему ценностей, тем самым поддерживая и санкционируя определенные нормы поведения сородичей. Например, настроить сородичей на битву с ажыдаром. Однако, у Ак-киши-олуя в глубине души носились и другие мысли, более содержательные, глубокие и сакральные: ажыдары – это не столько биологические существа, а, сколько исчадие ада, символы абсолютного зла в этом мире, тотемы темных сил. Он знал, что зло, по сути, бессмертно, что оно имеет бесконечную природу. Но, как довести это до сознания своих сородичей?

Общеизвестно, мифы во все времена требовали разъяснений, потому что в мифах и сказках, каковы бы ни были их содержание и смысл, мы имеем дело, прежде всего, с продуктами чистого вымысла. То же самое в романе «Тегерек». Ак-киши-олуя был уверен в том, что абсолютное зло существует и ажыдар по существу является высочайшим его проявлением, как, впрочем, черная магия, которая и насылает эту злую волю. Пожалуй, важным выводом является то, что под понятием черная магия воспринимается уже зло «внутри себя». По мнению А.Ф.Лосьева (1994), Фрейда З. (1989), Юнга К. Г. (1991) и др. в раскрытии мощных, бессознательных инстинктивных сил, толкающих к созданию фантастических вымыслов, а также в разъяснении тех преимущественно аллегорических и символических форм действительности важная заслуга принадлежит психологии и психоанализу. То есть они сталкиваются со сравнительным изучением мифов, но задаются при этом целью открыть бессознательный их смысл. В романе «Тегерек» устами Ак-киши-олуя говорится о том, что в мире влияние магии, враждебной силам добра не бывало возрастает. – «За всем, что происходит в мире, отчётливо проглядывает рука тьмы», – говорит он. Но где скрывается тот, чья воля творит зло на земле? Здесь, очевидна важность вывод о том, что люди «края каньонов и пещер», во-первых, уже знали где обитает зло и откуда тьма расползается по всему миру, а, во-вторых, уже знали откуда разлетаются по миру ажыдары, неся смерть и разрушение. Вот так в мифе о Тегерек также скрыт, точнее «упрячен» бессознательный его смысл, которую в последующем с помощью целого ряда методов (деконструкции, символизации, семантизации, концептуализации, философизации, сакрализации) требуется расшифровать и поставить на службу обществу. По крайней мере, таков был авторский замысел.

Как известно, по Фрейду З. (1994), бессознательное имеет личностную природу, направленную на осмысление бессознательного содержания мифа, а по К.Г.Юнгу (1875—1961), главная функция мифа заключается в том, что он вносит порядок в хаос, вносит предсказуемые линии в совершенно непредсказуемый окружающий мир. «Миф – это именно тот тип информации, который на глубинном уровне присутствует в каждом из нас, и задача состоит в том, чтобы активизировать эту символику на выгодном для коммуникатора направлении», – писал Юнг К. Г. (1994). В мифе о Тегерек речь пойдет об эсхатологическом направлении, когда все мысли и суждения канализируются в проблему борьбы Добра и Зла, Знания и Незнания, Света и Тьмы. Мы солидарны с тем, что неизбежность интерпретации мифа во многом обусловлена психологическими причинами. Кстати, именно такую этиологию мифов подчеркивал и самый последовательный исследователь проблемы мифологии – А.Ф.Лосьев (1893—1988). Юнг К. Г.

(1875—1961) пишет: – «Каждый из нас индивидуально воспринимает абстрактные понятия, и, соответственно каждый по-своему интерпретирует и применяет их... Отличия в трактовке, разумеется, возрастают, когда социальный, политический, религиозный и психологический опыт собеседников значительно разнится» [Юнг К. Г., 1994]. Сказанное лежит в основе появления самых невероятных трактовок того или иного мифа. В этом аспекте, нужно заметить, что бесконечность интерпретаций чувственного восприятия неизбежна уже в силу того, что каждая окружающая нас вещь, каждое чувственно воспринимаемое явление или символ постоянно в наших глазах возникает, утверждается, преобразуется, о чем упоминал еще А.Ф.Лосьев (1994).

Итак, символ или знак всегда двусмысленны, их дешифровка является результатом выбора между несколькими означаемыми их. В этом аспекте, именно открытость мифа смыслам и их множественному пониманию, обеспечивает разнообразие смысловых вариаций, порождаемых мифом, давая возможность вписать своё понимание в символическое производство мира. Таково суждение А.Ф.Косарева (2000). Разумеется, сугубо свое понимание отражено в нашем мифе. Гора Тегерек трактуется как гора-саркофаг, внутри которой замуровано тело ажыдара – символа Зла. Между тем, забегая вперед следует отметить, что смысловая вариация данного мифа имеет свое продолжение в виде неомифа о вечно возвращающемся Зле (роман «Проклятье Круга Зла»), а вместо горы-саркофага символом восстает искусственный саркофаг «Укрытие», внутри которого замурован аварийный ядерный реактор, тот самый современный символ Зла. Логика мифа о Тегерек заключается в том, что кара-кулы несли опыт того, что ажыдар – это очень живучее существо, а потому сразу убить его далеко непросто. Вначале хотя бы нужно смертельно ранить, закинуть на него сеть, обездвигить, а затем убить наверняка. Причем, не только убить, но и закопать глубоко в землю. Иначе ажыдар может ожить и натворить еще больше беды.

Безусловно, важно осознавать, в чем вообще заключается идея создания мифа? Е.П.Лебедева (1986) пишет: – «Человек, решившийся осмыслить миф или же сформулировать новый миф, должен последовательно двигаться в сторону обретения идеи мифа, самого себя, своего „Я“ в контексте других „я“ своего рода-племени». А по А.Ф.Лосьеву (1982), это связано с тем, что человек познает природу и окружающий мир, в том числе самого себя именно в такой последовательности. В этом отношении, мы солидарны с мнением исследователей в том, что конечный смысл мифа предполагает понимание своего «Я». Скажем, в нашем мифе в контексте своего рода кара-кулов и через такое понимание осмыслить более широкие и вечные феномены (Добро/Зло, Жизнь/Смерть, Знание/Незнание и пр.). Пожалуй, для любого существующего рода-племени исключительно важно осмысление таких вопросов: Кто мы? Откуда мы? Куда идем? Очевидно, что у каждого рода-племени или целого народа, есть та или иная мифологическая история, которая является своеобразной их моделью. А если такая модель глубоко не осмыслена или же утрачена? А если такой модели и не было вообще? В этом случае, стоит задача – надо ее осмыслить или воссоздать, или же сконструировать! Красной линией в романе «Тегерек» проходит идея о том, что, к сожалению, мало, кто слышал легенду о возвращении ажыдара. Саттар-ава рассказывал, что его пра-пра-прадед будто бы участвовал в битве с ажыдаром. Так вот, им как-то удалось его заманить в пещеру и вход в нее завалит камнями. Много дней за завалом камней слышался рев раненого ажыдара. С течением времени рев все больше слабел, а потом вовсе прекратился. Все ликовали, что ажыдар, наконец погиб. Однако, спустя много лет, люди забыли об ажыдаре и когда каменный завал они постепенно разобрали на строительство домов и кошар, из пещеры с грохотом вылетел ажыдар. Было много бед и несчастий. Таков был наш изначальный посыл к созданию мифа о Тегерек, а одной из задач перед инициатором или создателем мифа, каковым считаем себя, стояла определенная идентификация своего рода-племени. В этом аспекте, не менее важным является вывод о самонадеянности, беспечности, недалекости людей в отношении нейтрализации зла. Причем, как в первый,

так и во второй разы победы над ажыдаром. Обращается внимание людей на то, что наши прапрапрадеды сокрушались о том, что нужно было бы заковать лапы ажыдара в кандалы. Народ понял, что если ноги и крылья останутся свободными, то ажыдару ничего не стоит разворошить свой каменный склеп, в котором его держат в плену. Вот так складывалась определенная стратегия действия во время боя с ажыдаром, о котором, к сожалению, народ постепенно забыл, а жаль!

Что означает идентификация рода-племени? На наш взгляд, речь идет о своеобразной «препаровке» состояния бытия, нравов и стиля жизни сородичей, особенностей их устремленности в будущее с последующей реактуализацией жизненно важных и вечных феноменов (Добро/Зло, Жизнь/Смерть, Знание/Незнание). Из истории образования селения Кара-даван говорится в романе «Тегерек» следующее. После того, как ажыдар оказался на воле, произошла жуткая расправа с людьми. Оставшиеся в живых спаслись бегством, перебравшись в бесплодные адыры, где нет ни гор, ни скал, ни пещер, где мог бы затаиться ажыдар. Вокруг выжженная земля, скудная растительность, единственный и маловодный родник. Десятки и сотни лет бедствий и жалкого существования. Вероятно, именно это послужило мотивацией для решительных действий сородичей по ликвидации ажыдара.

Продолжая мысль об идее создания мифа, следует отметить, что лишь абстрактно можно предположить или допустить то, что предпосылки для нашего мифа, возможно и были, ну, скажем, в форме взаимосвязанных цепочек событий или явлений, циркулирующих в ряде народных сказаний, преданий, былин и пр. В романе «Тегерек», пожалуй, миф, по сути, и представляет собой такую версию появления, как результат простого обобщения, фантазирования и осмысления той самой длинной цепочки удивительных совпадений, скажем, названий местности или тотемных имен (Тегерек, Кара-Дабан, Кара-камар, Кара-кул, Ак-суу, Ак-киши-олуя, Чоюнчу, Ажыдар-сай, Ажыдар-тоо, Кара-бахшы, Кара-молдо, Астын-Устун и пр.). Однако, как было подчеркнуто выше, мифа о Тегерек, как таковой не было. Привнесенным авторским замыслом было следующее: один из старожилов края Суванкул-ава сказал: – «Всех, кого судьба и обстоятельства забрасывали в окрестности Тегерек не покидало чувство опасности. Но что за опасность – никто и никогда, а тем более наши современники не смогли бы объяснить». Между тем, у многих на слуху было поверье о том, что будто бы напившись воды из скудных родников, которые появлялись у подножья горы то там, то здесь, человек терял память, лишался рассудка, либо заболел неизлечимой болезнью.

Общеизвестно, при формулировке или осмыслении мифа можно выделить два полюса: во-первых, тот или иной тотем с аурой того самого мифа; во-вторых, допускаемая всевозможность. В романе «Тегерек» говорится о том, что многие упоминали о том, что даже воздух вокруг Тегерек был насыщен тревожным ощущением какой-то непонятной настороженности. Время от времени тишину нарушала пугающая трель невидимой птицы, чей голос был мрачноватым и нерешительным. Что возвещала та птица? Может быть это сигнал или быт может предупреждающий рефлекс природы. Так вот, в рамках мифологической ауры задача стоит в том, чтобы нащупать, осязать его суть и пространство, а затем осмыслить, выразить, проявить. То есть взять во внимание, якобы давние события жизни, развязав якобы «узелки памяти» своего рода-племени, спрятанные якобы в подсознания представителей его поколений и постепенно вести дело к конструированию мифа, таким образом, исходя из отдельных фактов, названий, явлений, событий, феноменов. В этом плане, в романе «Тегерек» многие люди рассказывали о том, что за версту от горы человеком вновь овладевал покой, умиротворение и медленная продуманность. А в самом Кара-даване время и места казались оставшимися в прошлом, здесь уже хотелось укрыться даже от медленного течения жизни. Казалось, что здесь можно было укрыться даже тогда, когда обрушивается окружающий мир.... Такой вот контраст, когда вблизи Тегерек – тревога и беспокойство, а вдали – покой и умиротворение. Полагаем, что эти ощущения, эти названия появились неспроста, что, возможно, были те или иначе

основания. Разумеется, в первом направлении очевидно то, что в те далекие времена, когда были еще в силе родоплеменные принципы жизнедеятельности людей, господствующей формой мировоззрения была мифология. Она была результатом духовной потребности людей как-то объяснить мир, осмыслить непонятные явления природы, как подчеркивают многие мифологи и философы, в числе которых П.С.Гуревич, А.Ф.Лосев, М.К.Мамардашвили, В.Д.Губин, В.Г.Ибрагимова, И.И.Кравченко, Д.В.Реут Й. Хейзинга, К. Хьюбнер, Ф.Х.Кессиди, С.С.Аверинцев, Дж. Кэмпбелл, Е.М.Мелетинский, Э. Кассирер, А.Ф.Лосев и др. Солидарны с мнением К. Дж. Боконбаева (2020), который пишет: – «Мозг человека чрезвычайно изобретателен. Когда он не может что-то понять, он создает миф». При создании мифа о Тегерек, нами условно допускалось то, что мысль родового человека пыталась понять те или иные закономерности окружающего мира, но не найдя ответов на свои вопросы, строила догадки, пыталась персонифицировать явления в мифологических образах, перед которыми он испытывал чувства страха, бессилия, преклонения. Так было, наверняка и в племени кара-кулов, – рассуждаем мы в качестве конструктора мифа. Возможно, и мы задавались вопросами: откуда же тогда взяться таким названиям, как Ажыдар-сай, Кара-камар, Кара-Дабан, Кара-бахшы и пр.? Безусловно, содержание мифа представлялось человеку того времени и конкретного пространства вполне реальным, но являлось не формой реального знания и понимания, а предметом веры и религиозно-чувственного культа. Кровожадный ажыдар – сакральное существо многих религиозных культов. Согласно им, людям удавалось убивать или удовлетворять его жажду крови разными способами, главным образом, принесением ему даже человеческих жертв. Именно таким образом, люди долгое время добивались мира и покоя. И у Ак-киши-олуя, несущий ответственность за целый род и племя, иногда возникали мысли держать нейтралитет, не тревожить и не трогать ажыдара. Однако, понимая истинную природу зла, все же поднимает свой род на смертный бой.

В целом, пространство мифа складывается из образов, впечатлений, представлений, воображения, интуиции, иллюзий и предрассудков, о чем писали В.Д.Губин, В.Г.Ибрагимова, И.И.Кравченко, Д.В.Реут Й. Хейзинга, К. Хьюбнер, Ф.Х.Кессиди и др. В нашем мифе вышеприведенные моменты закладывались в содержание мифа. Однако, это не главное в сути мифа. Важен его «выход» в мир вечных феноменов – борьба Добра и Зла, Света и Тьмы, Знания и Незнания. Обсуждая проблему мифотворчества, следует отметить, что, на наш взгляд, теория Юнга К. Г. (1875—1961) очень существенна, поскольку проливает свет на эту сложную проблему. «...Миф – это поиск и труд, порой тяжкая, изнурительная внутренняя работа по поиску в лабиринтах собственной психики знаков собственной же души... В этом плане, миф – это продукт душевного поиска по выработке идеального представления, которое уже потом воплощается в реальность» [Юнг К. Г., 1991]. В указанном аспекте важно осознавать цель и задачу мифотворчества в целом. – «Интересный миф, – подумалось Расулу, впервые увидевшего Тегерек и услышавшего миф, – почти как реальность: грандиозная, монументальная, завораживающая, созданная, пусть так думают, не всемогущей природой, а людьми. Действительно, вот она встреча мифа и реальности». По мнению ведущих мифологов, в числе которых П.С.Гуревич, В.П.Дубицкая, М.С.Евзлин, И.И.Кравченко, В.В.Малявин, В.М.Найдыш, Л.И.Насонова, Г.В.Осипов, В. Парето, В.М.Пивоев, Г.Г.Почепцов, Ж. Сорель, М.И.Стеблин-Каменский и др., прежде всего, задачей мифотворчества заключается в том, чтобы доказать, что миф является моделью воплощения идеала, мечты, и содержит конкретные возможности их воплощения в реальность. Здесь целесообразно упомянуть Фрейда З. (1994), который утверждал, что мифотворчество – это «удовлетворение сильного влечения, не избегая творческих мук, умение творить идеальные представления, и умение воплощать их в реальность».

В самом деле, по Элиаду М. (1907—1986), задачей мифа является и обретение «родного мифа», с помощью которого тот или иной человек может совершить путешествие в глубину

своей психики, обрести внутри собственной необъятной психики «родную территорию», и там ощутить свою духовную ось, уходящую в глубину древа рода [Элиаде М., 1995]. Возможно, именно такая первоначальная бессознательная мотивация была и при формулировании мифа о Тегерек, ведь автор мифа и есть выходец из того самого народа.

Мы согласны с мнением большинства мифологов о том, что миф следует рассматривать как конкретно-образный способ мышления, то есть непосредственным продуктом мифологического мышления. Так, по-крайней мере, считали А.Ф.Лосев, М.К.Мамардашвили, В.Д.Губин, В.Г.Ибрагимова, И.И.Кравченко, Д.В.Реут, И. Хейзинга, К. Хюбнер, Ф.Х.Кессиди, С.С.Аверинцев, Дж. Кэмпбелл, Е.М.Мелетинский и др. По утверждению указанных исследователей, существуют общие закономерности мифологического мышления, которые могут реконструироваться в современном художественном тексте и выступать мифопорождающей моделью. Ну, а если миф с начала до конца вымышленный? Любой художественный текст, в том числе и современный миф, репрезентируемый в литературе, становится коммуникативным явлением, так как представляет собой диалог автора с читателем. Это позволяет, по нашему мнению, рассматривать миф как дискурс, используя широкое определение, которое учитывает взаимообусловленность смыслопорождающей формы и функций мифа. Вот что говорил на счет этого А.Ф.Лосев (1893—1988): «Миф не ложь, а, скорее, надстройка. Он не конфликтует с фактами, а работает с ними как аранжировщик. Мифотворец – идеальный планировщик бытия. Он расписывает хаос по партиям. Препарирует реальность, отсекая лишнее и додумываемая отсутствующее».

Как писал Ч.Т.Айтматов (2000): – «...правда пребудет вовеки, пока рождаются и умирают люди, пока живут в нашем сознании сказки, легенды и мифы. Ведь они созданы народом. Они учат нас добру и справедливости, где испокон веков добро побеждает зло, которые застав однажды в душу, очнулись вдруг и заговорили прекрасным и мудрым языком эпоса...» Вот и в нашем случае встреча мифа с реальностью состоялась, как воплощение людского опыта истиной неразделимости Человека, Времени и Природы. В этом плане, и миф о Тегерек, искусственно сконструированный, также предполагает встречу придуманного и реального, являя собой чисто литературную технологию «бриколажа». А потому мы солидарны с Б.К.Малиновским (1884—1942), который писал: – «миф является повествованием, которое воскрешает первозданную реальность, отвечает глубоким религиозным потребностям, духовным устремлениям, безусловным требованиям социального порядка, и даже требованиям практической жизни». По мнению автора, у примитивных народов миф исполняет незаменимую функцию: во-первых, выражает, возвышает и кодифицирует верования; во-вторых, защищает и налагает моральные принципы; в-третьих, гарантирует действенность ритуальной церемонии и предлагает правила для практической жизни, необходимые человеческой цивилизации; в-четвертых, отнюдь не лишняя содержания выдумка, а напротив – живая реальность, к которой человек постоянно обращается [Б.К.Малиновский, 1992].

Кстати, стоит особо отметить, что Элиаде М. (1907—1986) выделяет пять основных положений, касающихся любого мифа: составляет историю подвигов тех или иных героев; представляется как абсолютная истина и обладает сакральной наполненностью; всегда имеет отношение с «созданием», он рассказывает, как что-то явилось в мир или каким образом возникли определенные формы поведения, а потому составляет парадигму всем значительным актам человеческого поведения; в процессе познания человеком объясняет «происхождение» вещей, что позволяет овладеть и манипулировать ими по своей воле [Элиаде М., 1995]. Речь идет не о «внешнем», «абстрактном» познании, а о познании, которая «переживается» ритуально; так или иначе «проживается» аудиторией, которая захвачена священной и вдохновляющей мощью воссозданных в памяти и реактуализировавшихся событий.

Указанные выше положения функционируют и в мифе о Тегерек. На наш взгляд, миф в некотором смысле правдоподобен, сакрален, а потому есть надежда на то, что он будет

понят, оценен, признан. Во временной удаленности событий, хранимых памятью рода-племени, можно видеть, по меньшей мере, несколько ступеней: во-первых, это якобы события «далекого прошлого», подлинность которых передается из поколения в поколение; во-вторых, это якобы «историческое» прошлое, сообщение о котором передается «непосредственно-коммуникационным» способом (прапрадеду рассказал прапрадед, а тому в свою очередь его прапрадед...); в-третьих, это якобы собственно мифологическое «давно прошедшее», время рождения сохранившихся по сей день некоторых традиций и верований. В указанном аспекте, миф продолжает присутствовать «здесь» и «сейчас». Е.М.Мелетинский (1998) пишет: – «Можно представить себе, что для мифологического сознания существует некая «другая реальность», которая способна актуализоваться в «нашем» пространстве и оказывать на повседневную жизнь человека ощутимое влияние». – «Гора имеет двоякую славу, – говорит Жолдош-ава, – с одной стороны, это свидетельство легендарного подвига нашего простого народа, который смог одолеть ажыдара и, зная, что от него будет исходить зло, соорудил каменный саркофаг и выставил охранителей. С другой стороны – гора, невольно приобрела зловещую славу, главным образом, из-за того, что Тегерек может расколоться и тогда восторжествует горе и несчастью, беды и насилия. В этом аспекте, важно то, что отныне главный акцент сделан на соблюдение завещаний предков, суть которых сводится на строгий контроль за целостностью Тегерека, то есть охранять гору от разрушений.

Ч.Т.Айтматов (2000) пишет: – «Безусловно, язык мифа обладает огромными потенциями символизации (а мир символов по своим значениям в высшей степени мифологичен), само по себе мифологическое повествование обычно вполне конкретно и склонно передавать свои обобщения через образы предметного мира». Однако массовые, спонтанные устные традиции до некоторой степени сохраняют конкретность своего образного строя – даже в тех случаях, когда нашему рационально ориентированному зрению в них видится условность и отвлеченность от реальности. В нашем случае к ним относятся саркофаг, пещеры, круг, ажыдар, черно-книжник, проклятья и заклинания и пр. В романе «Тегерек» один из персонажей – Айдар-тага рассказывает Расулу об Ажыдар-сае: – «Если посмотреть с вершины горы, то этот сай, со своими многочисленными стоками с обеих сторон напоминает следы когтя ажыдара». Расулу образно представилась картина, как раненный ажыдар в неровном полете резко падает на противоположный от охотников склон горы и там прочерчивает когтями все более углубляющиеся к низу ложбины. Затем, прямо у основания высокой горы ажыдар в судорогах погибает.

Резюме: Мифология рассматривается как способ сохранения памяти рода. Миф о Тегерек рассматривается как пространство для исследования «Абсолютного зла», где образы (например, Ажыдар) служат для верификации и расшифровки угроз настоящего и будущего. При этом важной является «реанимация» утраченных смыслов через возвращение к именам предков и осознание связи со своими корнями (на примере рода кара-кулов), что противопоставляется современному забвению традиций. Центральным образом выступает «завет предков» – необходимость защиты целостности горы, что символизирует защиту культурного и духовного единства сообщества. Географические объекты (Ажыдар-сай) интерпретируются через мифологические образы (след когтя дракона), что делает абстрактную историю осязаемой и живой. На примере «эйфории победы» над ажыдаром в романе «Тегерек» иллюстрируется, как метафорические образы (саркофаг Зла, великие охранители) формируют коллективную идентичность и чувство ответственности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.